

Лев Николаевич

Толстой

Единая заповедь

(1909 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

ЕДИНАЯ ЗАПОВЕДЬ.

Бог есть любовь.

I посл. Иоанна IV, 16.

Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

1 посл. Иоанна IV, 12.

Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоей, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мтф. XXII, 36–40.

I.

Учение Евангелия содержит простую веру, а именно, веру в Бога и почитание Его, или, что то же самое, послушание Его закону. Весь же закон Его только в одном: любить ближнего.

Спиноза.

Христианская вера – вся в любви. Все мы знаем это. И знаем не только потому, что это написано в книге Евангелии, но потому, что это написано в душах наших. Скажи о любви какому хочешь человеку: русскому, немцу, китайцу, японцу, индусу, скажи это вору, разбойнику, палачу, нет того человека, который бы не согласился с тем, что лучше жить людям по любви, чем так, как они живут теперь. И мало того, что каждый знает, что лучше жить по любви, чем во вражде и ненависти, каждый знает и то, что можно так жить.

Отчего же мы, христиане, не говорю уже про людей других вер, а мы, те самые христиане, которые, как все другие люди, знаем, что хорошо и можно жить по любви, кроме того знаем это по Евангелию, а Евангелие мы считаем священной книгой, – отчего же мы, христиане, живем не по любви, а во вражде и ненависти?

Отчего это?

А оттого, что и в Евангелии и в душах наших дана нам одна единственная вера, вера в любовь, и одна единственная заповедь, заповедь любви, мы же, кроме веры в любовь, верим еще во многое другое и, кроме заповеди любви, считаем божескими заповедями еще много других заповедей, и потому в жизни своей следуем больше этим другим заповедям, а не той заповеди любви, которая дана нам в нашем сердце и в христианском учении.

II.

С того часа, как первые члены соборов сказали: «Изволися нам и Святому Духу», т.е. вознесли внешний авторитет выше внутреннего,

признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке: его разума и совести, с того часа началась та ложь, убаюкивающая души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

Большинству людей мы оказываем слишком много чести. когда говорим про них, что они исповедуют ту или иную религию. Ибо они не знают и не ищут никакой религии, уставная церковная вера – вот все, что они подразумевают под этим словом. И так называемые религиозные войны, которые так часто потрясали мир и заливали его кровью, никогда не были ничем иным, как только препирательствами из-за церковной веры, и угнетенный жаловался, в сущности, не на то, что ему препятствовали принадлежать к его религии, ибо этого не может сделать никакая внешняя сила, а на то, что ему не позволяли следовать публично его церковной вере.

Кант.

Хозяин показал рабочим работу и велел делать одну ее и обещал им за это добрую жизнь. Нашлись же между рабочими такие люди, что вздумали устроить себе добрую жизнь не одной работой, а том, чтобы угодить хозяину и другими делами. И придумали эти люди много разных дел для угождения хозяину и стали делать эти дела, а показанное хозяином дело делали только когда вздумается, а то и вовсе не делали. Мало того, случилось еще и то, что нашлись и такие рабочие, которые, рассудив то, что хозяину не могут быть нужны все те пустые дела, которыми их учили угождать хозяину, усумнились в том, чтобы хозяину могло быть что-нибудь нужно от рабочих, и перестали делать и ту работу, которую велел хозяин. Нашлись и такие, что прямо решили, что нет никакого хозяина, и что можно жить и работать только для себя. И стала жизнь таких рабочих дурная, плохая.

Вот это самое случилось и с людьми, установившими, кроме веры в любовь, разные веры, которые они назвали божескими: веру в Троицу, в божественность Христа, в искупление им грехов людей, в Божью мать, в святых, чудотворцев и во многое другое, и разные заповеди, которые они тоже назвали божескими: заповеди о крещении, исповеди, причащении, браке, посещении церкви, соблюдении постов и многие другие, которыми они думают устроить себе добрую жизнь и угодить Богу. И случилось с людьми, установившими и признавшими эти веры и заповеди, то, что большинство таких людей только говорит, что верит во все эти многие веры и заповеди, в душе же не верит в них и наравне с ними не верит и в затерянную между ними заповедь любви, а из заповедей исполняют только те, какие полегче и за которые люди одобряют. Заповедь же любви признают только на словах, на деле же и на каждом шагу делают дела, прямо противные ей: вместо того, чтобы по любви делиться друг с другом, одни, богатые, живут в роскоши среди голодных, измученных трудом бедных, бедные же ненавидят богатых и стараются делать им худое. Вместо того, чтобы любить и

прощать братьев, люди мучают друг дружку, раззоряют, ссылают, запирают, казнят, убивают сотнями и тысячами друг друга на войнах. Но мало того. Случилось то, что многие хорошие и умные люди, воспитавшись на том, что Богу можно угодить передаваемыми людьми друг от друга разными верами и заповедями, входя в разум, видят, что все это одни человеческие выдумки, перестают верить во все церковные веры и заповеди, а вместе с ними и в заповедь любви. Находятся еще и такие люди, и с каждым годом все больше и больше находится таких, которые не верят не только ни в какие божеские заповеди, но не верят и в самого Бога. Так что в наше время все больше и больше становится людей, которые ни во что не верят и не думают о том, и не знают, зачем они явились на свет Божий и что им в нем делать. А живут, пока не умрут, и делают то, что хочется и взбредет в голову. От этого—то и плоха так жизнь людей нашего мира и с каждым годом, месяцем и днем становится все хуже и хуже.

А плохая жизнь оттого, что живут люди противно той одной заповеди, какая записана не в одном Евангелии, а и во всех учениях всех мудрецов мира: и у Индусов, и у Китайцев, и у Египтян, и у Магометан, и др., но и в душах всех людей мира. Живут же люди противно той вере и заповеди, какая записана во всех учениях и в душах всех людей, от того, что вместо того, чтобы признавать эту одну заповедь и следовать ей одной, люди наравне с ней установили много других вер и заповедей и следуют больше этим другим заповедям, чем единой, всемирной заповеди любви.

III.

Мудрец сказал: мое учение просто, и смысл его легко постигнуть. Оно все состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя.

Китайская мудрость.

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из верх заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый. И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всех разумением твоим, и всею крепостью твоей: вот первая заповедь. Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.

Мрк. XII, 28–31.

«Но если и согласиться с тем, что есть только одна истинная вера, вера в любовь, и только одна нужная заповедь, заповедь любви, то в чем же будет состоять вера и какое же будет богослужение, какие молитвы, как общаться с Богом?» – спросят люди. «Когда веришь в обыкновенную установленную веру, то знаешь, кто твой Бог и от кого все сотворилось и кому молиться и от кого ожидать милости. А если верить только в любовь, то нет настоящего Бога и нет никакого богопочитания. А без понятного Бога и богопочитания никогда не жили, да и нельзя жить людям».

Так скажут люди, когда им вместо понятного Бога, которому можно молиться и служить, дадут только какую-то непонятную веру в любовь. Так и скажут, да и говорят люди.

И в том, что люди никогда не жили и не могут жить без ясного, понятного большинству предмета веры и без вытекающего из веры ясного и доступного большинству богопочитания, они совершенно правы. Неправы они только в том, что любовь представляется им недостаточно ясным и понятным большинству предметом веры, и деятельность, вытекающая из этой веры, недостаточно ясным и доступным большинству богопочитанием. Думают они так потому только, что так привыкли представлять себе главным предметом веры воображаемое человекообразное, вечное, всемогущее существо, Творца промыслителя, различными сверх-естественными способами открывавшего свою волю людям, и так привыкли к точно определенному по форме, времени и месту богопочитанию, требующему в известное время определенных внешних поступков, что единая вера в неимеющую никакого внешнего образа любовь и вытекающее из этой веры богопочитание, тоже не определенное ни формой, ни временем, ни местом, кажется им чем-то неясным, недоступным большинству и даже сомнительным.

А между тем единая вера в любовь и вытекающая из нее деятельность богопочитания не только не менее определенны ясны и доступны для большинства простых людей, чем установленные людьми веры с многими предметами веры и заповедями, но имеют еще и то великое преимущество перед другими верами, что тогда как все разные противные друг другу и осуждающие друг друга веры и богопочитания, доводящие людей до ненависти, убийств, войн, разделяют людей, только одна вера в любовь и вытекающее из нее богопочитание делают то самое, что обещают: соединяет всех людей в одной вере и одном богопочитании.

IV.

Пока человек живет, он верит. Чем ближе его вера к истине тем счастливее его жизнь; чем дальше от истины, тем человек несчастнее.

Верить можно только в то, что несомненно есть, но чего мы не можем обнять разумом.

Лучшее богочитание то, которое делается без надежды на достижение какой-либо цели; худшее такое, которое имеет в виду определенную цель. Тот, кто обожает высшее существо, должен созерцать его во всяком творении и всякую тварь в нем.

Агни Пурана.

Самое губительное неверие не в том, что человек не верит, а в том, что человек исповедует то, во что он не верит.

Мартино.

Но мало того, что вера в любовь яснее, определеннее, понятнее всех других установленных людьми вер, мало того, что только одна эта вера соединяет людей, тогда как все другие разъединяют их, вера эта имеет перед всеми другими верами еще и то преимущество, что она вместе с тем и самая несомненная.

Как бы ни был убежден человек в истинности своей веры, трудно ему не усумниться в ней, когда он узнает про то, как другие люди точно так же уверены в истинности своих вер и признают его веру ложною. Только для человека, признающего один общий всем людям предмет веры любовь, не может быть никакого сомнения в истинности своей веры.

Всякая религиозная вера ведь есть всегда только признание существования такого начала, которого человек не может понять умом, но без которого человек не может понимать ни своей жизни, ни жизни мира и в существование которого он поэтому должен верить. Существование такого начала признается всеми верами. Это Брама, это Иегова, это Троица, это Аллах, это Тао Даосистов, это Танга буддистов, это вещество матерьялистов. Такое начало жизни признается и верой в единую заповедь любви, но с тою только разницею, что тогда как во всех верах, еврейской, браминской, церковно-христианской, магометанской и других начало это называется Богом, более или менее определяется и представляется существом личным, всемогущим, вечным, воля и поступки которого известны людям по чудесным деланным самим этим существом о себе откровениям, при вере в любовь начало это, также называемое Богом, Богом любовью («Бог есть любовь»), признается доступным всем людям не по человеческим преданиям, а по одинаковому для всех людей непосредственному, непрестанному откровению Его любовью в душе каждого человека.

Поэтому-то и вера эта не может не быть не только яснее и определеннее всякой, какой бы то ни было другой веры и другого богочитания, основанных на человеческом, различном по разным народам предании, не может не быть и благодетельнее для человечества, соединяя людей вместо того разъединения, которое

производят другие веры, не может и не представляться наиболее несомненной, так как утверждается не на человеческих преданиях, а на непосредственном всегдашнем одинаковом для всех людей сознании Бога.

V.

Бог непостижим для человеческого ума. Мы знаем только то, что Он есть.

Верь в Бога, служи Ему, но не старайся узнать Его; ты ничего не получишь за свои труды, кроме путаницы в мыслях. Не заботься даже о том, чтобы узнать, есть Он или нет Его; служи Ему, как будто Он есть всегда и во всем.

Филимон.

Мы познаем существование Бога не столько разумом, сколько сознанием той полной зависимости от Него, в которой мы себя чувствуем, в роде того чувства, которое испытывает грудной ребенок на руках матери. Ребенок не знает, кто держит, кто греет, кто кормит его, но знает, что есть этот кто-то, и мало того, что знает, любит того, во власти кого он находится. То же и с человеком.

Не смущайся тем, что понятие Бога неясно тебе. Чем проще и яснее оно, тем оно дальше от истины и тем ненадежнее, как опора.

Когда я говорю тебе о Боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот Бог, о котором я тебе говорю, ты Его чувствуешь в своей душе, ты носишь Его в самом себе и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образ в своей душе. Перед идолом золотым, которого ты считаешь за Бога, ты остерегаешься делать что либо непристойное, а перед лицом Того Бога, который в тебе самом и который все видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаешься своим гнусным мыслям и поступкам.

Если б мы только постоянно помнили, что Бог в нас – свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и Бог неотлучно пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о Нем как можно чаще.

Эпиктет.

Вера в заповедь любви и вытекающее из нее богопочитание и яснее, и определеннее, и благодетельнее, и несомненное всяких других вер, только надо ясно понимать в чем вера и в чем богопочитание.

Вера в заповедь любви в том, что Бога мы можем познавать только в себе. И познаем мы Его только той стороной, которой Он открывается нам. Открывается же Он нам любовью. Так что хотя и знаем мы Его далеко неполно, только одной стороной Его, той, которой Он открывается нам, мы несомненно знаем об Его существовании, и о том свойстве Его, которое мы сознаем в себе, и о том, чего Он хочет от нас.

Вера эта много раз была выражаема во всех религиозных учениях мира, начиная с самых древних египетских, индусских, так называемых языческих даже, и в особенности с особенной определенностью выражена в учении Христа.

Так выражена она в Евангелии Марка XII, 28–31 и с особенной ясностью в Евангелии и Посланиях Иоанна.

«Как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну да иметь жизнь в Самом Себе» (Еванг. Иоанна, V, 26).

«Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: «Я сказал: вы боги» (Псал. 81, 6)? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: «богохульствуешь», потому что Я сказал: «Я Сын Божий?» Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне, а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем». (X, 34–38.)

«Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя. Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам». (XIV, 10–11.)

«Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня». (XVII, 21.)

«Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем». (I Посл. Иоанна, IV, 12,13,16.)

Вера в любовь – ото признание того, что основное начало жизни нашей есть непостижимое для нас существо, проявляющееся в нас любовью.

VI.

Дурно то, что люди не знают Бога, но хуже всего то, что люди признают Богом то, что не есть Бог.

Лактанций.

Есть две веры: вера доверия к тому, что говорят люди, – это вера в человека или в людей, и таких вер много различных, – и вера в свою зависимость от Того, Кто послал меня в мир. Это вера в Бога, и такая вера одна для всех людей.

Религия человека состоит не из тех многих вещей, в которых он сомневается и которым старается верить, но из тех малых, в которых он уверен и вера в которые не требует от него никакого труда.

Карлейль.

Вера в единую заповедь в том, что Бог живет в нас и проявляется в нас любовью.

Богопочитание же веры в единую заповедь, как и во всех верах, в том, чтобы делать то, что велит вера, и не делать того, что она запрещает. Но разница в том, что тогда как богопочитания всех вер, а также и церковной, требуют для угождения Богу исполнения очень многих дел и воздержания от еще больших, богопочитание единой веры требует исполнения только одного дела, а также и воздержания только от одного дела.

Церковная вера для угождения Богу требует совершения таинств: крещения, миропомазания, исповеди, причастия, брака, требует признания непогрешимости известных писаний и лиц, требует посещения храмов, произнесения известных молитв в известное время и исполнения еще многих других положительных заповедей. Отрицательных же церковных заповедей еще гораздо больше. Наравне с требованиями воздержания от убийства, воровства, блуда, требуется воздержание от поклонения другим богам, от употребления запрещенной пищи в известное время, требуется же более всего воздержание от оскорбления предметов, почитаемых священными. Предметов же таких огромное количество.

Богопочитание же единой заповеди требует от каждого человека только одного, любви: любви к Богу в себе и к тому, который живет во всех других людях. Любить Бога в себе значит стремиться к высшему совершенству любви, и любить Бога в других людях значит признавать в

каждом человеке того же Бога, который живет во мне, и потому делать каждому человеку не то, чего сам хочешь, а чего хочет Бог, живущий во всех людях. В этом вся заповедь того, что должен делать человек но вере в единую заповедь. Также только в одном запрещении того, чего не должен делать человек по этой вере. Запрещение все в одном: в том, чтобы не нарушать благоговения к Богу, живущему во мне и в каждом человеке. Не нарушать благоговения к Богу в себе значит то, чтобы помнить о присутствии в себе Бога, исправлять, уничтожать в себе все то, что несовместимо с Его присутствием в душе человека; не нарушать же благоговения к Богу, живущему в других людях, значит то, чтобы не только не вредить ближнему, не оскорблять, не унижать никакого человека, какой бы он ни был, уважать, почитать его, как самый священный предмет, который только есть на свете.

В сущности же, как положительные, так и отрицательные заповеди веры в любовь сходятся в одном: в признании того, что Бог живет в человеке, и что поэтому нужно почитать и не оскорблять Его ни в себе, ни в каком бы то ни было человеке.

Богочитание это много раз было выражаемо во всех религиозно-нравственных учениях человечества в положительном смысле в том, чтобы любить Бога в себе и в людях, и в отрицательном в том, чтобы не оскорблять Его в себе и в людях.

VII.

Основа всякой государственной религии есть насилие, основа христианства – любовь. Государство – это принуждение, христианство – убеждение. Меч и посох пастуха противоположны и не могут быть союзниками.

Кунингам Гейкей.

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера. Вера есть установление отношения человека к Богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определение назначения ложны.

Недостаточно откинуть ложную веру, т.-е. ложное отношение к миру. Нужно еще установить истинное.

Несчастье и зло людей происходят не столько оттого, что люди не знают своих обязанностей, сколько оттого, что они признают своими обязанностями не то, что есть их обязанность.

Любовь к людям дает истинное внутреннее неотъемлемое благо, потому

что любовь соединяет человека и с другими и с Богом.

Несмышленому мальчику натолковали, что он не сын своей честной, доброй, любящей, выкормившей его и теперь кормящей и одевающей его матери, а сын какой-то удивительно прекрасной, могущественной, совершающей всякого рода чудеса волшебницы, могущей дать ему всякие великие блага, если он будет почитать и преклоняться перед ней. И мальчик поверил и отшатнулся от матери, не слушается ее, не пользуется тем добром, которое она дает ему, а ждет великих и необыкновенных благ от воображаемой волшебницы. Он не только верит рассказам про все те необыкновенные чудеса, которые будто бы делает волшебница, но даже сам выдумывает такие чудеса и верит в них, хотя никогда не видал никаких чудес. И что дальше, то все больше и больше он верит в волшебницу, потому что раз уж он отшатнулся от матери, вся надежда его на волшебницу. И он все молится и просит о чудесах, хотя никогда не видал их. Но проходит время, чудес нет, и он начинает сомневаться в волшебнице. Но раз уж он отшатнулся от своей матери, забыл ее, он все-таки не возвращается к любви ее, а напротив, вместо того, чтобы угодить своей матери, делает ей противное.

То же самое с огромным большинством людей, с людьми, верующими в чудеса какого-то личного Бога Творца, которого никто никогда не видал («Бога не видал никто никогда». Евангелие Иоанна I, 18). Так же и эти люди ждут от этого воображаемого Бога великих, богатых милостей, молятся Ему, придумывают за Него речи, приказания и, главное, чудеса самые странные, удивительные и ни на что не нужные. И так же, как тот несмышленный мальчик, люди эти не знают, не хотят знать свою простую, доступную им, всегда живущую с ними мать, не переставая любящую их и могущую дать им не воображаемое, но истинное благо, только бы они признали ее. Мать эта тот Бог любовь, который дал и дает нам жизнь и один может дать нам благо, истинное, ничем ненарушимое благо. И для того, чтобы верить в эту мать, — в этого единственно-доступного человеку Бога-любовь, не нужно никаких чудес, и для того, чтобы получить от Него благо, не нужно никаких прошений и молитв, нужно только одно: как тому мальчику не верить в пустяки, в обманы, а верить в свою мать, так и людям нужно только верить в то, что действительно есть и что одно может дать нам благо, в то, во что нельзя не верить, в Бога-любовь, живущего в душе каждого человека. А верь человек в этого Бога-любовь, и то благо, к которому свойственно стремиться всякому человеку, откроется ему и никакими средствами не может быть отнято от него. Не может быть отнято от него потому, что и получается-то это благо никак не через чью-то внешнюю силу, а только через свою собственную деятельность. Только отдайся человек Богу-любви, и он наверно получит то благо, которое свойственно душе его.

VIII.

Ничто не препятствует так сильно распространению истины, как упорство в удержании древнего, освященного временем предания.

Неуважение к преданию не сделало 1/1000 того зла, которое производит это уважение к обычаям, законам, учреждениям, не имеющим в наше время никакого разумного оправдания.

Нет ничего более недостойного разумного существа, как то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истиной, оказалось ложью. Не лучше ли искать новых основ единения, которые заменят прежние.

Мартино.

Есть люди, которые берут на себя право решать за других их отношение к Богу и к миру, и есть люди, огромное большинство людей, которые отдают это право другим и слепо верят тому, что говорят им.

Часто удивляешься на то, как это люди верят в такие странные, глупые, нелепые предания Адама, Эвы, Каина, Авеля и еще более глупые и не нужные чудеса: насыщение хлебами, вознесение, воскресение, исцеления, совершаемые иконами, искупление грехов верою в таинства, и такие же нелепые предания Индусские, Буддийские и др. Удивительнее всего то, что верят во все это часто люди вполне разумные, делают величайшие усилия ума для того, чтобы оправдать, объяснить все эти явно ненужные и невозможные предположения.

Отчего это? А от того, что люди потеряли веру – (потеряли потому, что им были внушены ложные веры) – естественную, понятную, необходимую, даже не веру, а сознание своей духовной связи с Богом любви. А потеряв это сознание, им нужно было то, что могло бы заменить его. И вот для того, чтобы заменить это утерянное сознание связи с бесконечным, они были неизбежно приведены к выдумыванию Бога такого, существованием которого они могли бы объяснить свою связь с миром. Для того же, чтобы заставить себя и людей верить такому странному Богу, несогласному с главным понятием о Боге, как о чем-то внепространственном, вневременном, неопределимом умом и словом, для того, чтобы верить в такого личного Бога, надо было представлять Его особенным, превыше всех людей, делающим дела, недоступные людям – чудеса. И чем больше было чудес, тем, казалось, крепче должна была быть вера. И мало того, что при отсутствии того несомненного сознания связи с началом всего, которое дает вера в любовь, нужны были чудеса, творимые этим Богом; для укрепления веры в этого Бога, творящего чудеса, нужны были угрозы, наказания от Бога за неверие в

чудеса.

Для того чтобы верить в такого Бога, нужно было верить в творимые Им чудеса; для того чтобы верить в творимые Им чудеса, надо было верить в Бога, повелевающего верить в чудеса. Ложный круг этот не мог долго держаться. Все больше и больше разрушалась вера и в личного Бога и в чудеса, творимые Им. А по мере разрушения веры в личного Бога и в чудеса Его, все больше и больше выяснялся тот единственный свойственный людям предмет веры: любовь, которая звала и зовет к себе людей так же, как любящая мать не переставая призывает к себе отшатнувшегося от нее ребенка.

IX.

Различие религий – какое странное выражение! Конечно, могут быть различные веры в исторические события, употреблявшиеся не в религии, а в истории, для укрепления религии, и относящиеся к области учености средства и точно так же могут быть различные религиозные книги (Зендавеста, Веды, Коран и т. д.). Но может быть только одна действительная для всех времен религия. Все же различные веры не могут содержать в себе ничего иного, как только вспомогательное средство для религии, которое является случайно и может быть различным, смотря по различию времени и места.

Кант

Религия не потому истинна, что ее проповедывали апостолы, а апостолы проповедывали ее потому, что она – истина.

Лессинг.

Нельзя не верить такому духовному учению, приложение которого осуществляет самое простое практическое благо всех. Нет большей проверки истинности учения. И таково христианское учение.

И стоит только человеку, познавшему заповедь любви, отрешиться хоть на время от той с детства воспитанной слепой веры в личного Бога Творца мира, мздовоздаятеля и установителя различных по месту и времени заповедей, для того чтобы вера в единого для всего мира Бога любви и единую не данную, а непрестанно даваемую Им одну и ту же всем людям заповедь любви представилась бы одной возможной,

естественной, необходимой и несомненной.

Только ясно пойми человек, кто он такой, пойми ясно, что ему искать Бога и Его закон можно и должно только в себе, и с каким недоумением и удивлением будет вспоминать такой человек о всех тех странных предметах и сказаниях, в которые он говорил, что верил, и, как ему казалось, как будто бы и в самом деле верил. Такой человек кроме удивления тому, что он мог верить таким странным, противным требованиям разума и чувства предметам веры, испытает еще особенно радостное чувство успокоения и твердости, в роде того, которое испытывает человек, с трудом и напряжением ходивший на нетвердых, выскальзывающих из-под ног и из рук ходулях, когда он сойдет с них и станет на твердую землю и пойдет по ней своими ногами.

В сущности, оно и не может быть иначе.

В Бога Творца, карателя, награждителя и установителя многих разнообразных и различных по исповеданиям заповедей, совершающего в разных местах разнообразные и удивительные чудеса, верят люди, несмотря на явные возражения разума, на еще более сильные возражения чувства, не могущего примириться с понятием Бога, делающего дела, противные любви только потому, что верят освященному древностью преданию, верят только людям, а не Богу, и потому не знают Его. В Бога же не Творца, не карателя, а всегда благотворящего людям, не учредителя многих, различных по народам заповедей, а установившего не на словах, а на деле единую для всех времен и народов заповедь любви и не совершающего для убеждения людей в своем существовании разные странные чудеса, а непрестанно совершающего одно только удивительнейшее и благодетельнейшее чудо проявления Себя в душе каждого человека, в такого Бога нельзя не верить.

Х.

Истинное благо всегда в наших руках. Оно как тень следует за доброй жизнью.

Настоящих благ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всех. Поэтому, чтобы не уклоняться от избранной цели, надо, чтобы эта цель была добро, согласное с общим благом. Кто направит свою деятельность на такую цель, приобретет себе благо.

Марк Аврелий.

Сын Кеца из Таломо пришел к Будде и стал жаловаться.

— Учитель, сказал он, всякий священник и монах хвалит свою веру, говорит, что она одна истинная, и прокликает чужую веру, называет ее

ложною. Сомнения мучают меня, и я но знаю, чьих слов надо слушаться.

Будда отвечал:

– Твои сомнения основательны, сын Кеца. Выслушай мое наставление. Ничему не верь по слухам, не верь преданиям, потому что они прошли через много поколений, прежде чем дошли до нас. Ничему не верь на основании слухов или потому, что люди много говорят об этом. Не верь только потому, что тебе покажут свидетельства какого-нибудь древнего мудреца. Не верь ничему потому, что тебе выгодно, или потому, что давнишняя привычка вовлекает тебя в признание этого правдой. Не верь ничему на основании только авторитета твоих учителей или духовенства.

– Только то, что сходится с твоим опытом и по твоему собственному исследованию согласное разумом и ведет к благу и счастью твоему и всех живых существ, только это принимай за правду и живи в нем.

Anquttara Nikayo.

Да, только верь люди так же, как они верят теперь в многие считающиеся божескими заповеди: в Троицу, Христа Бога искупителя, Богородицу, в Кришну, Моисея, Будду, в книги, считающиеся священными и потому содержащие будто бы непререкаемые истины, в чудеса, которых никто не видал, и в таинства и молитвы, действия которых никто не знает и не может знать, только верь люди хоть приблизительно так же в ту одну заповедь, которая дана Богом всем людям и записана в сердце каждого человека, и в то одно всегдашнее, неперестающее чудо присутствия Бога в душе человека и исполняй только люди богопочитание, вытекающее из этой веры, исполняй хоть приблизительно так же, как они исполняют теперь богопочитание церковное – таинств, обрядов, молитв, отдельных и общественных, и как скоро забыли бы люди про все те ужасы, которые они совершают теперь друг над другом, и как сама собой, без внешних потрясений, сложилась бы для людей и в особенности людей христианского мира та свойственная людям нашего времени и справедливая жизнь, которой хотят теперь достигнуть люди своими самыми противными любви делами насилия и жестокости.

– Но разве это возможно?

Спросите лучше: возможно ли, чтобы этого не было? Возможно ли, чтобы было то, что теперь? Возможно ли, чтобы люди, большинство людей, признавая высшим божеским законом веру в Бога любви, сознавая в своем сердце неперестающее проявление этого Бога, продолжали бы иповедывать самое странное собрание ни на что ненужных мнимых откровений Бога и вместо единственного, вытекающего из веры в Бога любви богопочитания, состоящего в деятельной любви к Богу и ближнему, продолжали бы очевидно тщетные попытки улучшить свое положение тем самым, что одно сделало его таким, каким оно есть?

И как мало нужно для того, чтобы совершилось все то, от отсутствия чего так мучительно страдают люди.

Нужно только одно: вера, но настоящая вера, не в людей, а в Бога. Нужно только перестать верить людям, а верить Богу, не откровениям Бога, написанным в книгах, а тому Богу, который живет в нашей душе и не переставая говорит нам о том, кто Он, кто мы и как нам надо жить по Его воле.

Только верь люди в необходимость исполнения единой заповеди любви так же, как они верят теперь в необходимость исполнения таких или иных таинств и молитв, только верь они так же, как верят теперь в святость своих писаний, храмов, изображений чаш, в то, что есть в мире только одна несомненная святыня – человек, и что единственный предмет, который не может и не должен быть осквернен и оскорблен человеком – это человек, носитель божеского начала, и невозможны бы были не только казни и войны, но и какие бы то ни было насилия человека над человеком.

Будь только воспитаны люди с детства в признании единственной святыней Бога в человеке и единственным богопочитанием любви и уважения к Нему, ни один человек не решился бы осквернить Бога в себе и в брате, разделяясь с ним враждой и совершая над ним насилия.

Скажите буддисту, магометанину, церковному христианину, чтоб он осквернил те безжизненные предметы богопочитания, которые он считает священными, и он охотнее перенесет всякие лишения, скорее даст убить себя, чем решится осквернить то, что считает святыней.

То же было бы для христианина, воспитанного по-христиански и по отношению его ко всякому человеку. Такой человек ни ради каких бы то ни было выгод, ни вследствие каких бы то ни было угроз наказаний, даже смерти, не совершит дела, противные единой заповеди любви: не осквернит, не оскорбит Бога в самом себе и в ближнем, а тем более не посягнет на то, что считается людьми, верующими в заповедь любви, высшей и единственной святыней – на жизнь другого человека. И потому не мог бы быть ни один человек, верующий в единую заповедь, ни палачом, ни царем, ни солдатом, ни судьей, ни тюремщиком, ни землевладельцем, ни сборщиком податей, ни капиталистом, ни каким бы то ни было прямым или даже косвенным участником в делах, противных любви, оскверняющих, оскорбляющих, разрушающих, уничтожающих жизнь людей. А не соглашались бы люди, все большее и большее количество людей, совершать такие дела и участвовать в них, и само собой установилось бы не скажу царство Божие (царство Божие, полное исполнение того, к чему не могут не стремиться люди, никогда не установится, пока будет жизнь в людях), но несомненно установилась бы такая жизнь, при которой стыдно бы было как властвовать, так и добровольно подчиняться власти человека над человеком. Стыдно бы было быть богатым, стыдно бы было владеть земельной собственностью, стыдно бы было не говоря уже воевать, но считать врагами людей других народов. А было бы среди людей ясное сознание того, чего они не должны делать, и не могла бы уже продолжаться та зверская, противная и разуму и чувству жизнь, которой мы живем теперь, и неизбежно и непрестанно приближались бы мы к той одной разумной и

благой жизни, которая одна свойственна людям нашего времени.

Прибавление.

Идеал – это путеводная звезда. Без него нет твердого направления, а нет направления – нет движения, нет жизни.

Идеал только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему бесконечна.

«Но если и допустить, что заповедь любви есть единая заповедь Бога, то исполнение этой заповеди такое, какого требует евангельское учение, невозможно для человека», говорят люди, исповедующие многие установленные церковью веры и заповеди. «Для полного исполнения заповеди любви по требованию евангельского учения надо возненавидеть семейных, бросить их, надо не противиться злу насилем, сделаться нищим, отречься от себя и своей жизни, а этого не может сделать ни один человек. И потому мы, не отрицая заповедь любви и необходимость исполнения ее в известных пределах, стараемся угодить Богу исполнением и других Его заповедей, тем самым облегчая себе возможность исполнения заповеди любви и вместе с тем получая надежду своего прощения за неполное исполнение закона Бога в этой жизни».

Так говорят люди, исповедующие церковные веры. Но рассуждение это, основанное на утверждении того, что полное исполнение заповеди любви невозможно, так как требует отречения от своей жизни, и что поэтому необходимо признание других, исполнимых для угождения Богу заповедей, рассуждение это не только совершенно неправильно, но и умышленно обманчиво.

Христианское учение не требует и не может требовать от человека невозможного полного отречения от своей телесной жизни; оно только показывает людям тот высший идеал, к которому им свойственно стремиться, исполнение же заповеди полагает не в невозможном для человека в этой жизни полном исполнении всех требований любви, а во все большем и большем приближении к этому идеалу, посредством все большего и большего увеличения в себе любви и все большего и большего самоотречения. Так что признание недостижимого идеала заповедью есть только уловка, имеющая целью показать то, что так как исполнение заповеди любви в ее полном совершенстве недоступно человеку в этой жизни, то заповедь любви и не может быть единой заповедью, а должны быть другие заповеди, исполнением которых человек может угодить Богу.

Признание невозможности исполнения заповеди любви, потому что она указывает на недостижимый идеал, и вследствие этого допущение возможности отступлений от требований любви и замещение исполнения заповеди любви другими заповедями подобно тому, что сделал бы путешественник, вооруженный компасом, если бы он, решив, что движение его по прямому направлению, указываемому компасом, невозможно вследствие гор и рек, находящихся на пути, перестал бы держаться указываемого ему компасом прямого кратчайшего направления, а стал бы руководствоваться в своем путешествии другими, независимыми от указаний компаса соображениями.

Таково же и рассуждение о том, что так как человек не может достигнуть полного исполнения заповеди любви, включающего в себя полное самоотречение, то ему нужно признавать другие божеские заповеди, исполнение которых отчасти замещает исполнение заповеди любви.

Неправда это. Обман это, обман, губящий жизнь людей тем, что отводит их от истинной жизни. Исполнение заповеди любви, заключающееся во все большем и большем приучении себя к жизни любовной в делах, словах, мыслях, не только возможно, но только одна такая жизнь дает человеку всегда полную свободу и неперестающее благо.

15 июля 1909 г.

Ясная Поляна.

Комментарии В. С. Шохор–Троцкой

ЕДИНАЯ ЗАПОВЕДЬ.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Начатая Толстым 10 или 9 мая 1909 г. статья «Единая заповедь» была первоначально им задумана, как «маленькая заметка» на тему «о любви». Но в процессе работы, как это часто у Толстого бывало, замысел углублялся, планы расширялись, и «маленькая заметка» взяла у Толстого свыше двух месяцев почти ежедневной работы и в результате

разрослась в большую статью с 10-ю главами и дополнительным «прибавлением».

О замысле статьи Толстой писал Черткову 25 мая 1909 г.: «Еще копался над маленькой заметкой о том, что заповедь о любви к Богу и ближнему должна быть единственной божеской заповедью, для того, чтобы принести плоды, а что как скоро рядом с нею ставят другие мнимо божеские заповеди, то это только ослабляет значение заповеди о любви» (см. 89 т.).

Иногда статья писалась Толстым медленно, вяло, о чем он упоминает в Дневнике, и нередко он бывал статьей недоволен. Так, например, он отмечал в Дневнике 11 мая: «Немножко поправил о любви. Все ужасно плохо в сравнении с замыслом и важностью предмета»; 13 мая: «Вчера поправлял «о государстве и о любви. Мало и плохо». Временами же статья ему больше нравилась. Вечером того же 13 мая он отмечает: «Довольно много писал о любви. Не дурно, подвигается»; 23 мая: «Вчера поправил о любви не дурно».

После двух недель работы над статьей в мае Толстой решил, что кончил ее, и в письме от 25 мая предлагал Черткову прислать ее ему. И в Дневнике он 28 мая отметил: «Вчера как будто кончил и о любви и Американцу». Однако 29 мая Толстой стал «опять поправлять» и «не дурно поправил» статью о любви. 30 мая он счел статью законченной, поставил под ней свою подпись и дату. 29 мая, повидимому, возникло колебание, как назвать статью, и на обложках статьи, датированных 29 и 30 мая, статья названа «О богопочитании».

31 мая Толстой опять «проработал всё утро» над статьей и вновь подписал и датировал ее своей рукой. И в Дневнике Толстого и в заголовке (на обложке) рукой Н. Н. Гусева в этот день впервые появилось заглавие «Единая заповедь». Этот момент можно считать завершением первой стадии работы Толстого над «маленькой заметкой о любви».

На другой же день, 1 июня, проснувшись в пятом часу утра, Толстой «записал много важного, хорошего к Нет л мире виноватых и к Единой заповеди и еще о Боге» (Дневник 1 июня 1900, т. 57). В тот же день он снова отметил в Дневнике: «Начал писать очень хорошо Единую Заповедь, но скоро к 12-му часу ослаб умом и оставил». Начатый им в этот день пересмотр статьи продолжался в течение всего июня. Судя по заголовкам на обложках статьи 3 и 4 июня, заглавие ее изменилось, и эти два дня она называлась «Наибольшая заповедь». Несмотря на это, 4 же июня Толстой в Дневнике записал: «Вчера утром писал немного «Единую заповедь», становится лучше». И на всем дальнейшем протяжении работы за статьей упрочивается заглавие «Единая заповедь» (только в дневниковой записи 14 июня 1909 г. Толстой называет статью «Заповедь любви»).

Первые дни июня Толстой работал над статьей немного, но с 7 июня работает над ней интенсивнее. В этот день он отметил в Дневнике: «Очень много работал над Единой Заповедью, с большим напряжением». 9 июня записав, что «чуть-чуть поправил о любви», с удовлетворением отмечает «Становится сильно». Накануне этого дня, 8 июня, Толстой

выехал утром в Кочеты (к дочери Т. Л. Сухотиной), и даже в пути, в вагоне, продолжал работать над статьей (И. Н. Гусев, «Два года с Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 289).

10 июня он «очень хорошо поправил о любви» (Дневник 10 июня, т. 57), но 11 июня нашел, что «поправка о любви плоха» и «надо еще работать». Работа продолжается. 14 июня он опять «очень хорошо работал» над статьей, и в этот день вновь, считая, повидимому, статью законченной, он датирует ее и подписывает. Но продолжает думать о статье и на другой же день записывает в связи с ней в Дневнике: «Все уясняется и усиливается. Помоги Бог кончить. Кажется не заблуждаюсь, что важно» (Дневник 15 июня 1909 г., т. 57). Еще на следующий день, 16 июня, он после утренней работы над статьей отмечает: «Кажется подвигаюсь. Не дурно». 18 июня опять находит, что «не дурно, но надо еще работать». В тот же день, 18 июня, он делится с В. Г. Чертковым: «Все пишу Единую Заповедь. Мне кажется, что нужно, а я теперь в тех хороших условиях, что всякий месяц, неделю, день должен по вероятиям считать последним. И потому не могу из предстоящих дел не выбирать того, что считаю наиболее нужным» (письмо к В. Г. Черткову от 18 июня 1909 г., т. 89). К этому он добавляет: «Думал, что кончил Единую Заповедь, а сейчас запала в мысль новая, всё о старом, работа о значении солдатства» (там же).

Несколько дней работа шла вяло, но 22 июня Толстой, по его словам, «неожиданно занялся опять Единой Заповедью, поправил хорошо и вписал эпитафии». В окончательном тексте дано тридцать шесть эпитафий; большая часть их взята из Круга чтения.

Вечером того же дня, 22 июня, Толстой вышел из своего кабинета в гостиную, где находились его семейные. «Случилось неожиданно то, что я прочел вслух Единую Заповедь. Ответ: молчание, и явно скука» (Дневник 22 июня, т. 57). На другой день Толстой «проснувшись думал и о вчерашнем». И в связи с этими мыслями записал в Дневнике: «Пора понять, что если хочешь служить людям, то работай для grand inonde [большой свет] – рабочего народа, и его имей перед собой когда пишешь. Наш брат в огромном большинстве безнадежен. А те жаждут» (Дневник 23 июня, т. 57). Об этом же он подробнее в тот же день писал В. Г. Черткову: «Вчера я прочел нашим (человек 5) мою статью Единая Заповедь, которая как мне кажется может вызвать в людях хорошие мысли и чувства. Но читая ее вчера нашему брату, изуродованным жалким людям, я убедился (хорошо убедиться в этом на 81 году), что всё что я пишу глупо, потому что обращено не к той публике, которой это нужно – к миллионам рабочих без и полуграмотных, не к неизвращенным разумным людям. И в первый раз, не умом, а всем существом, понял всю глупость того, что делал, и намерен те месяцы, дни, часы, которые мне остались, обратить на писание для них, передачу им того, что я, мне кажется, знаю и они, мне кажется, не знают: писать для них и в рассуждательной и в художественной форме» (письмо к В. Г. Черткову 23 июня 1909 г. т. 89. Еще о том же см. И. Н. Гусев, «Два года с Толстым», стр. 225–226. запись 24 июня).

Мысль писать не для «изуродованных жалких людей, а для миллионов рабочих без и полуграмотных» привела Толстого к намерению написать

статью «самым простым языком» (см. там же, стр. 225). И в тот же день, 23 июня, он принялся исправлять статью, «упрощая язык и форму» (Дневник, запись 24 июня 1909 г., т. 57). Однако, он от своего намерения почти сразу же отказался и, в результате, эта работа привела только к перестановке глав и небольшим исправлениям, что он и отметил тогда же в дневнике (см. там же, запись 24 июня, т. 57). По сообщению Н. Н. Гусева, бывшего в то время секретарем Толстого, Лев Николаевич и после этой, отмеченной им в своем дневнике неудачи, опять выражал желание «переделать эту статью так, чтоб она стала вполне общедоступной по языку» (Н. Н. Гусев, «Два года с Толстым», стр. 225). Но, как это отмечает Н.Н. Гусев и как это явствует из обследования всех последующих редакций статьи, – Толстой так и не осуществил этого своего намерения.

Продолжая работать над Единой заповедью в прежней форме, считая, что работа идет «не дурно» (Дневник 27 июня, т. 57), Толстой продолжал расширять замысел статьи и 30 июня, тоже по его собственной оценке «не дурно», написал новую, в окончательном тексте седьмую главу «о чудесах» (Дневник 30 июня, т. 57). Вероятно Толстой в этот момент опять счел статью совсем законченной, так как решил отослать ее В. Г. Черткову. 30 июня, повидимому, была завершена вторая стадия работы над статьей «Единая заповедь».

В сопроводительной к рукописи записке от 1 июля 1909 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Посылаю вам, милый друг, Единую Заповедь. Если удосужитесь, прочтите с карандашом в руке. Ваши замечания мне очень дороги» (письмо к В. Г. Черткову от 1 июля 1909 г., т. 89). Чертков по прочтении рукописи возвратил ее через несколько дней Толстому, причем в конце статьи высказал свое мнение: «Как будто статья слишком резко неожиданно обрывается; чего то как будто нехватает в заключение», (см. Описание рукописей, № 15).

Толстой вновь принялся за работу, внес ряд поправок и вставок в текст и написал несколько дополнительных страниц в конце статьи, озаглавив эти страницы «Прибавление». 11 июля он опять записал в Дневнике о том, что «кажется кончил Единую заповедь».

Вновь перебеленная рукопись «Единой заповеди», датированная (рукой Н. Н. Гусева) в конце последней главы, перед «Прибавлением», 15 июля 1909 г., была вторично послана В. Г. Черткову, который на полях этой рукописи сделал несколько пометок (отметил повторения).

Уже оставив работу над «Единой заповедью», Толстой 23 июля вновь писал В. Г. Черткову: «Мне кажется, что я по старческой слабости не переставая пишу и пишу много пустяков, и главное повторений. Вы, как настоящий друг, скажите, не боясь меня огорчить. Теперь кроме Неизбежного переворота, есть Единая Заповедь, и еще о науке. Пожалуйста скажите» (письмо к В. Г. Черткову от 23 июля 1909 г., т. 89).

Прошло три месяца. 5 ноября 1909 г. в Петербурге состоялось юбилейное торжество по случаю пятидесятилетия Литературного фонда, одним из основателей которого был Л. Н. Толстой. В присланной Толстым по этому случаю телеграмме он писал: «Вспоминаю основателей

и приветствую сотоварищей Литературного Фонда. Сочувствую его доброй пятидесятилетней деятельности. Рад буду внести свою лепту в предполагаемый сборник» (телеграмма адресована на имя М. А. Стаховича, приветствовавшего Литературный фонд от Общества литературного музея (Толстовского общества). См. т. 79). В письме к В. Г. Черткову от 16 ноября Толстой в связи с просьбой предоставить что-либо из его произведений для напечатания в «Юбилейном сборнике Литературного фонда», писал: «Для Литературного Фонда лучше всего бы было короткий разговор в Крекшине. Если же вам это неприятно, то другой Разговор, или Песни на деревне. Хотя лучше всего бы было Единую Заповедь» (письмо В. Г. Черткову от 16 ноября 1909 г., т. 89).

Редактор «Юбилейного сборника Литературного фонда» С. А. Венгеров в напечатанной в сборнике заметке «От редакции» отмечает «с особенной гордостью» помещение в сборнике двух рассказов и одной статьи Л. Н. Толстого. Он сообщает: «Рассказ «Песни на деревне» дал сборнику непосредственно сам Лев Николаевич. Сценкой «Разговор с прохожим» и статьей «Единая заповедь» сборник обязан любезности друга Льва Николаевича – В. Г. Черткова, которому Лев Николаевич предоставил обнаружение своих новых произведений». Указанный сборник называется: «Л. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909», Спб., тип. т-ва «Общественная польза», s. a. [1910]. В этом сборнике статья «Единая заповедь» смогла быть напечатана лишь с целым рядом цензурных пропусков. Пропуски были сделаны в главах II, VI, VII, VIII, IX, X и в «Прибавлении». Впервые статья появилась без цензурных пропусков лишь после февральской революции 1917 г. в ряде изданий: «Л. Н. Толстой, «Единая заповедь», изд. «Посредник» (№ 1200), М., тип. Французова и Колукова, 1917; Л. Н. Толстой, «Единая заповедь», изд. «Истинная свобода», Воронеж, 1917; и др.

В настоящем издании воспроизводится текст с последней рукописи (по Описанию рукописей № 16), содержащей последнюю авторскую обработку, с восстановлением всех цензурных сокращений в русских прижизненных публикациях статьи и с исправлением погрешностей, вкравшихся в копии, а именно:

Стр. 101, строка 41. Слово показанное восстановлено по автографу вместо вкравшегося в машинописные копии (по ошибке переписчика) и в печатный текст слова приказанное.

Стр. 101, строка 44. Слово пустые восстановлено по автографу. Пропуск переписчика.

Стр. 102, строка 39. Слова А живут... взбредет в голову восстановлены по автографу (предпоследняя редакция). При переписке пропущено.

Стр. 105, строка 21. Слова, это Троица вставлены по предпоследней редакции, при переписке которой слова эти пропущены переписчиком.

Стр. 109, строка 35. Слова и теперь кормящей и одевающей его восстановлены по рукописи. Пропуск переписчика в предпоследней редакции.

Стр. 110, строка 32. Слова в то что действительно... благо восстановлены по предпоследней редакции. Пропуск переписчика в последней редакции.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В Рукописном отделении ГТМ (Архив Черткова, папка 122) хранятся следующие рукописи статьи «Единая заповедь»:

№ 1. Автограф. 8 лл. бумаги разного формата (листок из блокнота, полулист линованной писчей бумаги, листы почтовой бумаги). Заглавия нет. 1 л. черновой рукописи находится в Национальном Музее в Праге (архив Д. П. Маковицкого). Фотография с него имеется в Государственном литературном музее в Москве.

Начало: «Но, скажут на это, (какъ же) если и допустить такой взглядъ»... Конец: «...то, чт[o] она даетъ для облегченія жи[зни]».

Весь лист перечеркнут. На верху листа рукой Д. П. Маковицкого: «1909. VI», внизу его же рукой: «15/VII. 09».

Первый набросок статьи. На обложке рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «0 любви. 10/V 09».

№ 2. Машинописная копия с № 1. 7 лл. (4° и срезки). Много авторской правки и переделки. Текст неполный – некоторые листы перешли в дальнейшие копии.

На обложке рукой Н. Н. Гусева (карандашом): «0 любви. 11/V 09».

№ 3. Машинописный текст в 7 обложках, заключающих в себе последовательные стадии промежуточных переработок отдельных частей статьи, с большой авторской правкой. Число листов: 3 + 7 + 8 + 7 + 4 + 9 + 10; всего 48 лл. машинописи.

Первые пять обложек с надписями рукой Н. Н. Гусева – «0 любви» и даты: 12/V 09, 13/V 09, 21/V 09, 22/V 09 и 24/V 09.

В седьмой по счету обложке на л. 4 под текстом рукой Толстого: Левъ Толстой. 30 Мая 1909».

№ 4. Машинопись. 8 лл. (4° и срезки), переписанных и переложенных из предыдущих копий. Много авторской правки, переделок и вставок. «Текст неполный».

На последнем листе под текстом рукой Толстого: «1909 31 Мая. Левъ Толстой». На обложке рукой Н. Н. Гусева: «Единая заповедь». 31/V 09».

Стр. 100, строка 25. После слова палачу Толстым в рукописи 31 мая 1909 г. вычеркнуто: царю.

№ 5. Машинопись. 9 лл. (4° и срезки), переписанных и переложённых на предыдущих копиях. Много авторской правки, переделок и вставок чернилами и карандашом. Переработка начальной части статьи.

На обложке рукой Н. Н. Гусева: «Единая заповедь. 1/VI 09».

№ 6. Машинописный текст в 7 обложках, заключающих в себе последовательные стадии промежуточных переработок отдельных частей статьи. Число листов 1 + 1 + 4 + 4 + 2 + 4; всего 22 лл. машинописи (4° и срезки). Большое количество авторской правки, переделок и вставок.

На обложках рукой Н. Н. Гусева: «Наибольшая заповедь. 4/VI 09», «Единая заповедь. 5/VI 09», «Единая заповедь. 6/VI 09», «Единая заповедь 7/VI 09», «Единая заповедь. 9/VI 09», «Единая заповедь. 18/VI 09», «Единая заповедь. 19/VI 09».

№ 7. Машинопись. 15 лл. (4° и срезки), переписанных с листов предыдущего текста. Много авторской правки.

№ 8. Машинопись и часть рукой Н. Н. Гусева. 18 лл. (4° и срезки). Копия с № 7. Много авторской правки, вставок и переделок.

№ 9. Машинопись – копия с № 8. 12 лл. (4° и срезки). Много авторской правки.

№ 10. Машинопись – копия с № 9. 25 лл. (4° и срезки). Много авторской правки и переделок. На последнем листке – срезке рукой Толстого: «Л. Т. 14 Июня 1909».

№ 11. Машинопись – копия с № 10. 16 лл. (4° и срезки). Много авторской правки, вставок и переделок.

№ 12. Машинопись – копия с № 11, из которого переложены отдельные листы. 21 лл. (4° и срезки). Много авторской правки, переделок и вставок. Текст неполный.

№ 13. Копия с № 12, из которого часть листов переложена. Машинопись и часть рукой Н. Н. Гусева. 35 лл. (4° и срезки). Много авторских поправок, переделок и вставок. Текст неполный.

№ 14. Копия с № 13, из которого часть листов переложена. Машинопись и часть рукой Д. П. Маковицкого и Н. Н. Гусева. 38 лл. (4° и срезки). Много авторских поправок, переделок и вставок (несколько листов нового автографа). Текст неполный.

№ 15. Копия с № 14, из которого заимствованы отдельные листы. Машинопись и часть рукой Д. П. Маковицкого и Н. Н. Гусева. 57 лл. (4° и срезки). В тексте много авторских поправок, переделок и вставок (чернилами и карандашом). Текст неполный – некоторые листы

перешли в следующую рукопись.

На л. 42 имеется карандашом пометка рукой В. Г. Черткова: «Как будто статья слишком резко неожиданно обрывается; чего-то как будто не хватает в заключение. В. Ч.»

№ 16. Копия с № 15. Машинопись и часть рукой Д. П. Маковицкого. 63 л., из которых большинство 4° (есть срезки и склеенные листы). Поправки рукой Толстого и Н. Н. Гусева. Текст полный. На обложке и на л. 1 рукой Н. Н. Гусева: «Единая заповедь». На л. 58, под текстом последней главы (перед «Прибавлением»), рукой Н. Н. Гусева поставлена дата: «15 июля 1909».

На последнем листе абзац: «Таково же и рассуждение» обведен карандашом и на полях написано: «повторение» и поставлен знак, которому отвечает внизу листа пометка: «В. Ч.» В следующем абзаце первые две строки тоже обведены карандашом, и на полях против них, с тем же знаком, написано: «выпустить»; строки эти были сначала вычеркнуты, но потом восстановлены.

№ 17. Обложка с выпущенными из текста местами. 17 л. разной величины. Машинопись, часть рукой Н. Н. Гусева и 1 автограф. На первом листе сверху надпись рукой Н. Н. Гусева: «Выпущенные места из статьи «Единая заповедь». Все куски перенумерованы (11) – за исключением 8 срезков, вложенных нами в эту обложку в процессе разбора рукописей.

Сверх того, сохранилось 25 обложек, в которых находились листы, нашедшие свое место в процессе систематизации рукописей. На этих обложках рукой Н. Н. Гусева сделаны надписи с заглавиями и датами работы: на первой: «0 любви. 23/V 09, на второй: «0 богопочитании. 29/V 09», на третьей: «0 богопочитании». 30/V 09», на четвертой: «Единая заповедь. 2/VI 09», на пятой: «Наибольшая заповедь. 3/VI 09; на шестой: «Единая заповедь» 8/VI (в вагоне)», на следующих до конца: – «Единая заповедь» и даты: 10/VI, 11/VI, 12/VI, 13/VI, 13/VI (вечером), 14/VI, 15/VI, 16/VI, 17/VI, 20/VI, 22/VI, 23/VI, 24/VI, 25/VI, 26/VI, 28–30/VI, 2/VII, 5/VII и 10/VII 09.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с

цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов, относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «0 Вехах», «0 ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «0 безумии» и «0 социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «0 воспитании» (В. Ф. Булгакову), «0 науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «0 безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор-Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор–Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями

и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.